По обе стороны Яксарта / Историко-приключенческая повесть

Category: Kitapcy,Taryhy proza
написано kitapcy | 24 января, 2025
По обе стороны Яксарта / Историко-приключенческая повесть ПО ОБЕ СТОРОНЫ ЯКСАРТА

Действие повести происходит в царстве саков в IV веке до нашей эры – во время нашествия воинства Александра Македонского (Искендера)

Долина Кетмень-Тюбе, где течет Нарын, известный древним под названием Лпо или Яксарт, почиталась саками священной – здесь были родовые усыпальницы кочевых вождей, камни с изображением волшебного скакуна Пашкуча. Здесь же находился и главный жертвенник Урмаузду.

Многое утрачено в веках, укрыто волнами рукотворного Токтогульского моря, но многое все-таки дошло до нас от той жизни…

ГЛАВА I

ПРАЗДНИК НОУРУЗ

В этом году зима кончилась неожиданно. Повеял теплый южный ветер. Он дул несколько дней с неослабевающей силой. Солнце – светоносное око Митры – встало над миром и согрело горы. В синем-синем небе, продутом богом ветров Вайю, – ни облачка! И вот началось ежегодное чудо: в ложбинках и затененных местах еще лежал грязный ноздреватый снег, а солнечные склоны дружно зазеленели. Грузные улары тяжело взлетали с полян. Козлы-нахчиры, домашний скот горных духов-пэри, жировали на зеленом приволье…

Охотник Сатрак вернулся к своей хижине и сбросил с натруженных плеч козла – сегодняшнюю добычу. В доме никого не было. Отец, белобородый Кидрей, с утра отправился в горы. На охоте был и сын, двадцатилетний Мавак.

Сатрак уселся лицом к солнышку, устало вытянул ноги и закрыл глаза… Надо бы поставить котел с водой на огонь, приготовить обед дйя старого отца и сына… Охотник горько покачал головой. С тех пор, как Анхра-Майнью – Властелин злых сил – унес душу жены в подземный мрак, не стало в доме хозяйки. Вот уже третий год они бедуют, одинокие, неухоженные. Разве может семья из одних мужчин быть счастливой? Там, где нет ласковых и заботливых, трудолюбивых и сноровистых женских рук, – там нет ни радости, ни умиротворения… Слава богам, сын подрос. Приведет жену – и будет в хижине молодая хозяйка. Быстрая, расторопная, в руках все горит, искусная повариха…

Сатрак размечтался, разомлел на солнцепеке… Но тут его окликнули. Подъехал сосед Мермер и придержал коня.

– Эй, Сатрак! Слыхал новость? Арсак сказал Сираку, Сирак сказал Рутаку, Рутак сказал Скунхе, Скунха сказал Бразану, Бразан сказал мне, будто Арсак видел в Роксанаке Спаргатифа и тот говорил, что наш верховный вождь Липохшайя призывает всех мужчин в свое войско.

Охотник не сразу очнулся от приятных грез. Ох, уж этот назойливый сосед! Недаром его прозвали Мермером-говоруном.

– Что ж ты молчишь? – нетерпеливо спросил Мермер. Он спешился и присел рядом.

– Дружная весна будет нынче, – сказал Сатрак.

– Это верно!.. Ты – знаменитый воин, сражался в войске самого Дараявауша*, хорзарского царя. Глядишь – и поставят тебя начальником сотни… (*Дараявауш – древнеперсидский царь Дарий III Кодоман, «правил 336–330 годах до н.э.)

— Козлы рано поднимутся наверх. Скоро и там зазеленеет…

— Эй, Сатрак! Не о том говоришь! Надо точить акинак*, ладить сагарису**, сучить тетиву…
(*Акинак — сакский короткий меч — кинжал)
(**Сагариса — сакская боевая секира)

— Против кого?

— Разве ты не слыхал, что в Бактрию пришел злой дух пустыни Апаоша с большим войском дэвов? Говорят, они покорили девяносто девять племен и сокрушили великое царство хорзаров*. Сыновья Виштаспы** все погибли.
(*Хорзары — так саки называли персов)
(**Виштаспа (Гистасп) — отец Дария I, прародитель династии Ахеменидов в Иране)

— А мне какое дело? — отвечал Сатрак. — Почему я должен мстить за сыновей Виштаспы? Разве они мои родственники?

Мермер озадаченно приподнял свою остроконечную шапку и почесал темя.

— Зачем мне война? — продолжал Сатрак. — Враг напал на землю моих предков? Я — охотник. У меня дружба с пэри — горным народом. Они позволяют мне охотиться на свой домашний скот — козлов, оленей. А война приносит только горе. Это знатные от войны богатеют, а бедняки становятся еще беднее. Я ходил на войну, я знаю.

— Но ведь Арсак говорил Сираку, а Сирак передал Рутаку…

— Эй, сосед! Какое нам дело, кто кому что сказал?.. Мой отец, белобородый Кидрей, вопрошал три ночи подряд звезды — наступает великий праздник. Надо готовиться: работы много, а женщин в нашем доме нет! Ты уж прости, если я возьмусь за хозяйские дела.

— Каждый в своем доме — царь, — заметил Мермер.

Когда назойливый сосед уехал, Сатрак начал готовиться. Старый Кидрей по ему одному понятным признакам, по звездам, луне, солнцу и явлениям природы, определил, что приближается день весеннего равноденствия. Кончается старый год и начинается новый. Праздник Нового года – Ноуруз – великое торжество. В новый год полагается вступать чистым духовно и телесно. Из дому выбрасывали поношенную одежду, разбивали старую посуду, выметали всю золу из очага, чтобы новый, только что рожденный огонь загорелся на чистом месте. Пусть все старые грехи, болезни, злые мысли и слова останутся в старом году!

Обычно уборкой занимались женщины… Сатрак угрюмо пересматривал скарб своего семейства. Эти видавшие виды штаны, хоть и старые, а выкидывать жалко – кто новые сошьет? Засаленный кафтан, отцовский плащ… Придется хорошенько постирать в ручье…

Старой одежды набрался большой узел, с которым охотник и отправился вниз, к воде, оглядываясь по сторонам: не увидели бы соседи, не подняли бы на смех…

К вечеру хижина была тщательно подметена, посуда перемыта. Стены снаружи разрисованы желтыми кругами – солнечными знаками, а внутри опорный столб – символ «древа жизни» – украшала ветка высокогорной ели… Над очагом томилась задняя часть козлиной туши и ее запах был куда сильнее хвойного аромата. К встрече семейства все было готово.

Сначала приплелась Старость. Охотник услышал медленную конскую поступь, тяжелые вздохи кобылы и кряхтенье отца.

Затем прилетела Молодость: дробные удары копыт, шумное дыханье, сменившееся игривым ржанием, и веселый голос сына…

За ужином старый Кидрей, пережевывая козлятину крепкими еще зубами, говорил:

– Месяц хшум подходит к концу. Весна! Весна. Семидесятый раз я встречаю ее, а сердце радуется будто впервые.

— Морозы могут еще вернуться, — заметил Сатрак.

— Ну нет! Вчера ночью я слышал в звездном небе голос Каршипты! Она летела в окружении несметных гогочущих стай на север. А на желтой скале орел — саена уже свил гнездо. Завтра мы спустимся в Царскую долину… Этот Ноуруз станет особенным для нас… Женить будем внука. Пришло время позаботиться и о будущих правнуках.

Сатрак кивнул согласно. Зато Мавак чуть не подавился. Он умоляюще взглянул на деда и опустил голову.

— Не горюй, внучек, — сказал Кидрей. — Понимаю, жаль расставаться с верным товарищем, благородным скакуном. Да что делать! Не забывай, что мы растили быстроногого Рахша как выкуп за невесту.

— Не надо жены! Пусть лучше останется конь, — робко ответил Мавак.

Сатрак подал голос в поддержку сына:

— И вправду, отец! Мавак вырос вместе с Рахшем. Стоит ли менять коня на жену?

Дед Кидрей сердито взглянул на охотника.

— После себя на этой земле человек оставляет две вещи: доброе имя и славное потомство. Имя создается делами, а потомство дарит жена. В этом — главное предназначение смертных. Так постановили боги и не нам отменять извечные законы небес.

— Жена — сначала радость, потом — несчастье, — пробормотал Сатрак. — Жены умирают…

— Все, имеющее начало, имеет и конец. Разве не оставила тебе моя невестка такого сына-молодца? И вспомни, как говорит наш народ: «Жена — несчастье, но не лишай, о Небо, никакой очаг этого несчастья…» Пусть же и внук изведает Большую любовь — частицу небесного огня Митры…

— Большая любовь — большое горе. Память сердца горька.

— Но еще горше иметь сердце без памяти…

Дед и отец долго спорили и толковали у тлеющего очага. И даже, когда оба улеглись и заснули, юный Мавак все никак не мог сомкнуть глаз. Он думал о Каршипте — волшебной утке, которая живет в небе, на земле и в воде, она объединяет все три сферы мироздания. Она — вестница богов, она несет на своих крыльях весну. Старики еще говорят, что на Каршипте, словно на крылатом коне, летит сама богиня земли и воды, вечно юная и прекрасная Аргимпаса.

Завтра, впервые в жизни, он спустится в Царскую долину на великий праздник! И там же должен отыскать свою большую судьбу. В обмен на коня…

Конь! Мавак поднялся с ложа, прислушался к дыханию спящих и выскользнул за дверь.

В теплом стойле Рахш встретил его приглушенным ржанием и ласковым прикосновением бархатистых губ.

Обняв за шею верного друга, Мавак зашептал:

— Старики говорят: каждая девушка — немножно Аргимпаса… Но если приходится отдавать тебя, мой верный Рахш, то я заранее ненавижу свою будущую невесту…

На следующий день к вечеру дед, сын и внук добрались в Роксанаку — ставку правителя заречных саков. В дни торжеств в столицу стекались массы общинников из ближайших долин и предгорий. Сюда же купцы из Ферганы и Согда привозили изделия городских мастеров и другие товары в обмен на кожи, шерсть, рога маралов, пушнину. В такие дни обычно тихая и занятая своими трудами Роксанака шумела и была похожа на торговый процветающий город.

На ночлег устроились в ближайшей землянке. И хотя Мавак был крайне взволнован ожиданием завтрашних торжеств, он после

дол¬гого пути заснул как убитый. Но поспать ему удалось недолго:

— Вставай, пора! — тряс его дед за плечо.

Когда они вышли во двор, была еще ночь. Звезды полыхали по всему небосводу. Пронизывающий ветерок с гор согнал остатки сна и Мавак заметил движущиеся тени. Отовсюду слышался шум голосов, приглушенные шаги сотен ног. Люди куда-то шли в торжественной звездной мгле. Трое влились в общий поток. Мавак спросил, куда они идут, но дед Кидрей только сердито зашипел.

Шли долго. Небо начало постепенно светлеть, мелкие звезды гаснуть. Поднялись на холм. Далеко по ходу вспыхнул огонь и красноватые блики заиграли на остроконечных шапках. Потянуло дымком и паленым мясом — там приносили первую жертву. Зазвучал торжественный хор — моление жрецов. Далеко вокруг разносились четкие слова:

— О! Свет Рассвета! О! Митра Умиротворяющий! Владеющий обширными пастбищами! Дружественный к людям! Дарующий сыновей! Заставляющий растения произрастать! Тебя мы приветствуем и почитаем!..

И многотысячная толпа рокочущим эхом повторила слова Первой Молитвы.

На востоке, над темной кромкой гор проступила алая полоса. Толпа опять пришла в движение, потекла с холма бесконечным потоком. Кидрей объяснил внуку, что торжественное шествие закончится на берегу священной сакской реки Ало, где высится скала с изображением волшебного скакуна Пашкуча, а под ней — главный жертвенник Урмаузду…

Рассвет неудержимо хлынул в долину. Тьма отступила в дальние ущелья и острые глаза Мавака отсюда, с холма, увидели всю грандиозную процессию. Далеко впереди белели фигурки жрецов-зотаров. Главный жрец выделялся особо высоким колпаком — в половину человеческого роста.

За белой шеренгой жрецов двигались стройные ряды людей, одетых в красное. То были самые знатные люди страны и среди них верховный вождь Липохшайя — Владыка Горы. Его тоже можно было легко узнать по шлему — остроконечному конусу с золотыми копьецами вокруг тульи и фигуркой золотого петуха на макушке.

Ну, а за кроваво-красной линией текла несметная сине-желтая река: по древнему закону простые скотоводы-пастухи — «вайштрья фшуянт» носили одежду синюю с желтым…

Когда толпа расположилась полукольцом у подножия скалы, главный жрец-кави поднял руку. Гомон стих. Мавак, стоявший на склоне, хорошо видел Священную скалу, на которой был изображен гигантский Пашкуч — орлиноголовый коневидный грифон с рогом на голове и золотистыми крыльями. Скакун богов посматривал на скопище верующих темным огромным глазом величиной с колесо…

Из-за дальней седловины показалось красное полукружие. На скале проступили розовые блики. Темный глаз Пашкуча вдруг ожил, засверкал кровавым огнем. Громко заревели трубы — и стихли. И тогда раздался ликующий хор жрецов, приветствующих появление светила. Им бурно вторила толпа.

И вот ослепительный диск целиком вышел из-за горы и повис над далекой седловиной. Опять заревели трубы, а затем в наступившем безмолвии жрец-запевала возгласил хвалу царю богов и людей:

— О том, кто создал для нас источник благосостояния — скот мычащий, фыркающий, блеющий, дающий молоко! Тот, кто взрастил для скота обширные пастбища! Озаряющий мир, прогоняющий мрак, Праведный, Мудрый! Ты, давший нам обильную пастьбой прекрасную жизнь, разъезжающий на колеснице, великий Урмаузд! Прими молитвы и жертвы от народа саков, как принимаешь ты их от всех, почитающих тебя!

И многотысячная толпа в экстазе повторяла давно знакомые слова. Плакал от умиления старый Кидрей, громко вопил Мермер-говорун. Юный Мавак, оглушенный и потрясенный, самозабвенно

пел слова гимна…

Вспыхнул огонь в прямоугольном жертвеннике, который со всех четырех сторон охраняли бронзовые фигуры пантер. К нему с благоговением подступили жрецы с пучками священной соломы «барсом». Затрещали дрова под семью котлами. Послышалось жалобное ржание. Начался торжественный обряд «ашвамедхи» — жертвоприношения коней, посвященных солнечному божеству.

И опять раздался голос запевалы:

— Урмаузд-Солнце, Сияющее, Бессмертное, обладающее быстрыми конями! Прими этих скакунов, смелых, как орлы, и быстрых, как твои лучи! Эти великолепные кони — красноватые птицы, да повезут твою колесницу по небосводу!..

— Прими! Прими! — эхом отозвалось поле.

Раскаленное марево дрожало над жертвенником и в струях горячего воздуха двигалась, изгибалась фантастическая фигура Пашкуча — он казался живым, готовым взлететь со скалы в поднебесье, на блаженные пастбища царя загробного мира Йимы..

Жрецы тем временем гадали на проросших зернах и предсказывали будущий урожай. Обряды закончились проведением первой борозды: пахарем выступил сам Липохшайя.

По всему полю задымили сотни костров. В громадных бронзовых котлах на конических подставках закипела вода, и потянуло запахом вареного мяса. Женщины хлопотали у котлов.

Много было гостей на этом празднике! Но везде повторяли только одно имя: Спитамен. Да, да, сам высокородный правитель Согдианы* явился встретить Ноуруз к своим кочевым соседям — в знак особого уважения. (*Согдиана (Согд) — страна в бассейне р. Зеравшан) Сакские мужи, умудренные жизнью, покачивали остроконечными шапками, поговаривали:

— Неспроста это! Видно, гордый владетель Согда чего-то хочет от нас…

— Говорят, он привез нашему царю богатейшие дары…

— А с ним еще четверо мужей, одетых в драгоценные согдийские и бактрийские одежды. Тоже, надо полагать, знатные вожди…

Но люди еще не знали, что вчера вечером, в канун праздника, у царя собрались знатные вожди. Спитамен и сопровождавшие его вельможи.

— Мы все должны подняться на врага! — говорил Спитамен. — Помните о клятве, которую дали ваши предки царям царей!

Липохшайя мягко возразил:

— Но ведь Дараяваш убит, а он был последним в роду сыновей Виштаспы. Кому же мы должны помогать?

— Соседям, с которыми вас связывают вековые узы дружбы! Себе, наконец! Ибо повелитель Запада придет и в ваши земли. Не лучше ли встретить его сообща?

— Я слышал, что Дараяваша убили его же люди, а на трон сел бактрийский правитель Бесс. Достоверно ли это? — спросил один из вождей.

— Да, да, — поддержали его другие. — Мы тоже слышали об этом черном предательстве…

Спитамен опустил голову и не отвечал. Краска залила его лицо и шею. Все ждали. Наконец он поднял глаза:

— Это правда, братья.

Вожди некоторое время молчали, потом разом заговорили:

И ты зовешь нас, саков-туров, служить узурпатору-цареубийце?

— Никогда еще сак не запятнал себя дружбой с клятвопреступникам!

— Да раньше конь-солнце взойдет на западе!

— Воистину мир покроется тьмой от таких дел!

Царь резко поднял жезл и возмущенные умолкли. Липохшайя дружески, но твердо сказал от имени всех:

— Благородный Спитамен! Мы уважаем в твоем лице храбрых воинов Согдианы и весь твой народ, но подлому нарушителю клятв Бессу мы помогать не будем! Это последнее слово.

Вожди дружно поддерживали своего главу. Спитамен был бледен. Черные глаза его сверкали.

— Братья, позвольте молвить!

Когда шум утих, Спитамен сказал:

— Да, правда, что Бесс и его шакалы убили законного царя, что убийца занял трон. Правда и то, что Бесс — негодяй и подлый клятвопреступник! Придет день и он получит свое. Но разве я зову вас служить Бессу? Я призываю к объединению всех наших сил, чтобы дать отпор чужеземцам! Вы еще не знаете царя Искандера*: он задался целью покорить весь мир и дойти до последних земных пределов! (*Искандером (Искандером) называли на Востоке Александра Македонского) Если погибнем мы, вы останетесь со всеми силами Запада один на один. Подумайте об этом!

— Неужто Искандер и его воины-дэвы так сильны, как об этом болтают? — спросил Картезис, брат Липохшайи.

— Кто с ними сражался и остался жив, те утверждают это. Например, я. Остальным уже не до болтовни — они умолкли навеки.

Молодой вождь, сопровождавший Спитамена, попросил слова:

— Я Мокридат из Парфии*. (*Парфия — область не юге современной Туркмении) Я давно знаю людей Запада. Мне было восемнадцать лет, когда на великом поле у Гавгамел* мы сразились с армией царя Искандера. (*Гавгамелы — селение в Мессопотамии, при

котором в 331 г. до н. э. Александр Македонский разбил армию персов, на стороне которых сражались многие народы Средней Азии) У моего отца были обширные угодья. Но железнобокие убили отца, а угодья достались Фретаферну, перешедшему к Искандеру на службу. В память о той битве у меня остался шрам на носу. Но я еще посчитаюсь с царем Искандером!

Встал другой – длинноволосый, высокий – на полголовы выше любого из вождей.

– Я – Плоксис из Арианы*. (*Ариана – область не территории современного северо-восточного Афганистана) Землю мою захватили пришельцы. Я тоже ушел из-под Гавгамел с раной в боку и говорю вам: их надо остановить!

И встал третий, широкоплечий богатырь:

– Я – Хориен, сын владетеля горной крепости в Бактрии. Враги еще не проникли в горы, но цветущие долины моей родины осыпал пепел пожарищ. Там, где слышался девичий смех, теперь раздаются стоны и вопли…

И четвертый – быстроглазый, с шапкой курчавых волос на голове – сказал:

– Я – Ратомен, согдиат, ваш сосед. Наша земля, как и ваша, еще свободна. Так неужели мы станем ждать, пока царь Искандер уничтожит нас поодиночке?

Долго совещались вожди. И, наконец, решили отложить это дело до народного собрания – на седьмой день великого праздника Ноуруза.

…Люди ждали состязаний: скачек и стрельбы из лука. На скачки допускались не все: два десятка старцев осматривали коней и решали, достоин ли скакун выйти на рубеж. Огромная толпа зевак, где каждый считал себя знатоком, стояла вокруг и подавала советы.

Мавак со своим Рахшем занял очередь и поглядывал вокруг с

любопытством и некоторым испугом. Отец где-то отстал — встретил воинов-друзей, проделавших с ним вместе поход до Гавгамел и обратно. Зато дед Кидрей, как дух-хранитель, стоял рядом и горделиво щурился: настал его звездный час.

Действительно, полюбоваться на тонконогого красавца — Рахша сбежалась добрая сотня зрителей. Даже бывалые наездники, немало повидавшие на веку, восхищенно цокали языками и переговаривались.

— На таком коне впору ездить самому Митре…

— И уж никак не меньше, чем царю…

Сзади послышался громкий повелительный голос:

— Эй, Доставляющие корм скоту! Пропустите-ка Рожденного в потомстве!

Люди стали переговариваться:

— Это Спаргатиф, вождь левобережных саков с Большой равнины*. (*Большая равнина — Фергана)

— Опять этот толстяк чванится…

— Ох, и спесив…

Спаргатиф, убедившись, что окрики мало действуют, соскочил с чалой лошади и начал рассекать толпу своим могучим животом. Когда он увидел Рахша, глаза его округлились, рот открылся. Он обошел жеребца, бесцеремонно оттолкнул Мавака, схватил за повод… Конь внезапно повернулся и вскинул круп… Но вождь, спасаясь от копыт, прыгнул в сторону и резко дернул за крепкий ремень.

Кто-то сказал потрясенно:

— Уй-и-и!.. На вид корова, а прыгает как барс…

Вождь железной рукой пригнул голову коня к самой земле. Тот

заржал от испуга и ярости… Вмешался старый Кидрей:

— Эй, Рожденный в потомстве! Разве так обращаются с благородным скакуном? Да еще с чужим? Дай-ка сюда чумбур!

Спаргатиф ответил, сопя:

— Теперь он будет мой! Я даю за него два раза по девять жеребцов и столько же кобылиц.

— Не нужны мне твои жеребцы и кобылицы…

— Ну так получишь золота половину твоей шапки. Конь будет моим!

— Этот конь непродажный, — отвечал старый Кидрей. — Нет такого золота, которым можно было бы оплатить его быстрый бег, гордую стать, верность хозяину. Ведь он рождан нашей старой хромой кобылой от Небесного жеребца, пасущегося на вершине Высокой Хары… Коня самого Митры… Мой Рахш потеет кровью…

— Врешь ты, старик! Разве Небесный жеребец польстится на старую, хромую кобылу? И, верно, такую же костистую, как ты?

— Не всегда она была старой, хромой и костистой. Правда, и ливинего жира, как у тебя, на ней отроду не было…

— Эй, потомок пастухов, не спорь со мной, сыном, внуком и правнуком вождей, — злобно закричал князь левобережных саков.

— Эй, надменный лицом и горделивый речами! Вас внуков и правнуков вождей, — целая дюжина дюжин и еще дюжина! А нас, потомков Великого Конюха, — только трое. В горах много камней, но бирюза попадается редко — тем дороже она ценится! Разве твоему предку наши предки обязаны спасением от длани хорзарского царя Дараяваша Старого? Нет! Это сделал Ширак, прадед моего прадеда!

Толпа настороженно молчала, но чувствовалось: она целиком на стороне белобородого Кидрея…

Тем временем придирчивые старцы закончили отбор скакунов. Около двухсот всадников выстроились вдоль длинной ровной борозды, начинавшейся от царского трона. Царь и знатные вожди любовались необыкновенной красотой коней и выправкой наездников. Хороши были сакские молодцы! У каждого — тугой лук и колчан полный стрел: ведь скачки совмещались со стрельбой в цель. К состязаниям готовилось не менее трех десятков девушек, что вызвало изумление у чужеземцев, сопровождавших Спитамена. Среди девушек была Зарина — царевна, дочь Липохшайя.

Верховный вождь поднял жезл. Резко взвизгнула боевая труба. Вся масса всадников сорвалась с места. Сотни копыт ударили в землю одновременно.

Вокруг всего огромного поля заранее проложили кайму — широкую полосу, ограниченную каменными столбиками и глубокой канавой. По этой кайме и предстояло мчаться соревнующимся. Семь кругов должны были сделать они — по числу планет, обходивших небосвод. Внутри круга поле заполнено зрителями, а вне его, по левую руку, повсюду расставлены неподвижные мишени в виде деревянных, грубо сколоченных изображений, зверей. Время от времени появлялись и движущиеся мишени — всадники, закованные в броню от лошадиных нагрудников до макушки, несли на высоких шестах чучела различных птиц с распластанными крыльями. С пологих холмов пускали колеса. Требовалось попасть в ось на всем скаку.

Первый круг бойцы завершили плотной массой — никто не отстал, не вырвался вперед — берегли лошадей. Глухой шум зрителей переходил в рев по мере удаления или приближения всадников.

Позади второй круг. Несколько человек выбыло: у кого лопнула подпруга, у кого споткнулся конь… Потом десятка полтора самых ловких вырвалось вперед. Среди них — три девушки. Зрители в неистовом азарте вопили и кричали, когда взмыленные лошади проносились мимо.

К седьмому кругу далеко впереди остальных мчалось только двое.

Возбуждение толпы нарастало. Переговаривались:

— Царевна впереди всех!

— А кто рядом с ней?

— Какой-то безродный горец…

— Врешь! Это сын Сатрака и внук Кидрея, хорош у него конь!

— У царевны лучше. Готов заломить голову — она придет первой.

— Нет, у Мавака лучше. Гляди, вырвался вперед на локоть!

— А вот теперь царевна!..

— Не спорьте, они идут вровень…

Волнение зрителей достигло предела. Сам «Владыка горы» привстал с трона. Вот она, его дочь, единственная опора старости! И какой-то юноша скачет рядом! Хоть бы чуть-чуть отстал, невежа!.. Картазис, более пылкий и несдержанный, приплясывал и восклицал громогласно:

— Великий Урмаузд! Вератрагна! Помогите племяннице! Обещаю пожертвовать черного быка с белой отметиной на лбу, если конь этого нахала споткнется!

А в гуще толпы Мермер-говорун, приподнявшись на цыпочки и вытянув шею, тоже молился, но совсем тихо:

— Добрый Митра! Пусть мой сосед Мавак одержит победу! Обещаю отдать тебе всю праздничную еду, которой, может быть, угостят меня сегодня!..

Всадники приближались. По-прежнему двое. Остальные далеко позади. С царского места уже видны конские морды и летящая с губ пена… Кажется, слышен даже храп коней и еканье селезенок…

Финишную черту царевна и молодой горец преодолели одновременно. Скакунов остановили в нескольких шагах от

старейшин. Кони тяжело водили боками. Толпа восторженно кричала. Царевна в сердцах бросила юноше:

— И откуда ты взялся такой?

— С гор, — Мавак широко улыбался.

— Лучше бы тебя забодали горные козлы! Ты вырвал у меня победу!

— Мы оба победили. Чего ты сердишься?

— Не радуйся! — оборвала царевна. — Лучшим стрелком тебя не признает никто!

— Посмотрим…

Победителей окружила ликующая толпа. А чуть в стороне князь левобережных саков Спаргатиф во всеуслышанье хаял Мавака:

— Хотя бы он и вместе с царевной — что из того? Заслуга принадлежит не ему, а коню. Недомерок, недоросток. Я упрячу его в переметную суму — за три дня не отыщешь! Конечно, скакуну легко нести такого — все равно, есть всадник или нет.

— Это верно, — поддакивали одни, — внука старого Кидрея можно разглядеть, если только хорошо протрешь глаза… Таких маваков сорок сороков в одной твоей тени поместятся…

— Мал, да удал! — возражали другие. — Всадник как раз по коню. Смотреть на них — сердце петь начинает. А Спаргатиф верхом как выглядит? Все равно что могильный курган на спине благородного скакуна… И людям смех, и богам досада…

Скоро привезли мишени. Фигуры животных походили на дикобразов — так густо утыкали их стрелы.

— Кому принадлежат стрелы, окрашенные в зеленый цвет?

— Маваку! Маваку! Я — свидетель! — кричал из толпы Мермер. Из двадцати стрел, положенных каждому участнику, все двадцать

зеленых попали в цель. И как! Раны, нанесенные ими, оказались бы смертельными, будь деревянные истуканы живыми. И в осях каждого из семи пущенных колес торчало по зеленой стреле!

Больше ни у одного из состязавшихся не было таких попаданий.

Царевна Зарина кусала с досады губы. Ее дядя Картазис был чернее тучи. Верховный жрец-кави поднялся и сказал:

— По древнему обычаю наших отцов победитель в двойных состязаниях получает царскую власть и право повелевать народом саков на один день! Эй, люди! Отведите его в царский дом и обрядите в достойные его сана одежды!..

Когда Мавак появился вновь, толпа ахнула: каков молодец! На нем была куртка из красной материи со множеством нашитых золотых блях; шаровары с кантом из золотой тесьмы. На ногах — мягкие кожаные сапожки, голенища которых были обшиты золотыми треугольными бляхами. На голове островерхий колпак более локтя высотой, на нем украшения из золота и самоцветов. На поясе, сплошь усыпанном фигурками золотых оленей, висел в золотых ножнах железный акинак. В одной руке была плетка, в другой — золотая стрела, доставшаяся, как гласит легенда, от первоцаря Йимы.

Мавака подвели к трону. Липохшайя, сидевший справа в одежде пастуха, благосклонно кивнул ему, а жрец-кави громко сказал:

— Отныне ты повелеваешь народом саков до первой звезды. Взволнованный юноша увидел море лиц, восторженных глаз…

Все это начало рябить, качаться, расплываться… Слишком много потрясений за один день. Догадливый кави возвестил:

— Молодой царь желает немного отдохнуть!

Между тем торжество продолжалось. По всему полю запестрели скатерти-суфра, расстеленные прямо на траве. Кроме вареного и жареного на вертеле мяса угощались круглыми лепешками — символом солнца, крашеными яйцами и яичницей, ибо яйцо

считалось началом всего. Кислого и свежего молока было вдосталь. Кумыс заменял скотоводам вино, которым любили баловаться персы. Кумыс должен быть пенистым, шипучим. Его постоянно взбалтывали в громадных деревянных чанах слепцы-рабы. Саки ослепляли пленных, чтобы те не могли и думать о побеге. Детвора лакомилась сушеными виноградом и фруктами, привезенными из Согдианы. Повсюду звучали праздничные трубы, бубны и струнные инструменты. В одном месте шли в плавном танце девушки, в другом лихо отплясывали парни, в третьем женщины и мужчины водили хоровод. Перед царским троном богатыри боролись друг с другом. Наградой победителю служило серебряное блюдо с мясом молочного жеребенка – из царских рук. К удивлению и восторгу присутствовавших, на площадку вышел один из сопровождающих Спитамена – Хориен-бактриец. Зрители делились впечатлениями:

– Смотрите-ка! Такой знатный человек, а не гнушается бороться с простыми скотоводами.

– Говорят, и Спитамен тоже не чванлив.

– А парень, видать, крепкий. Вон какие плечи…

– И шея бычья…

– Такой и коня поднимет.

– Посмотрим, устоит ли он против наших молодцов Рутака и Скунхи…

Бактриец тем временем шутя одного за другим валил сакских богатырей.

Теперь зрители начали ворчать.

– Гляди-ка, разошелся…

– Воистину бык…

– Неужто перевелись силачи на древней земле туров и мы

уступили награду бактрийцу?

— Эй, пасущие скот! Посторонитесь! Дорогу! — через толпу шел Спаргатиф. Он успел заменить роскошный наряд на обычную одежду борцов — узкие штаны и куртку-безрукавку. Мышцы его вздувались буграми, огромный живот выпирал тыквой. Люди расступались перед ним на этот раз охотно.

— Этот наверняка одолеет бактрийца.

— Куда гостю против такого слона!

— Настоящий человек-гора…

Спаргатиф вошел в круг и сказал:

— Ты уж не сердись, благородный. Хориен, если я заставлю тебя целовать нашу землю. Я думаю, от этого наша дружба не разрушится.

— Я тоже так думаю,— отвечал бактриец.— Но зачем разговоры? Становись.

Бойцы охватили друг друга за плечи, уперлись лбами и стали кружить, готовясь к броску.

И Спаргатиф сделал этот бросок. Он резко дернул всем корпусом влево и рванул бактрийца на себя. По всем законам Хориен должен был перелететь через противника и грохнуться оземь. Но получилось наоборот. Никто даже не понял, как произошло, что огромная туша заречного князя взмыла вверх, сапоги прочертили в воздухе дугу. Глухой удар, казалось, потряс землю. Спаргатиф лежал, вытаращив глаза и хватая ртом воздух…

Награду победителю вручил Мавак-царь. Хориен принял блюдо, поклонился и сказал:

— О, глава мужей, сияющий, делающий добро, чистый помыслами, любимый богами! Это блюдо я принимаю как свидетельство дружбы народов Турана и Бактрии!

Спаргатифа увели под руки приспешники. Еле переставляя ватные ноги, князь заречных саков бубнил:

— Я сам поддался… Из уважения к гостю… Блюдо я бы все равно не принял. Мне ли, потомку вождей в двенадцатом колене — да кланяться в пояс «царю-однодневке»?

И другие спутники правителя Согда отличились на сегодняшних играх. Мокридат удивительно легко бросал камни пращой. Ратомен показал необычное умение взбираться по отвесной скале. А Плоксис на своем жеребце с невероятно длинными ногами преодолевал препятствия чуть ли не в человеческий рост. Саки только диву давались.

Липохшайя, в простой синей одежде пастуха, сидевший неподалеку от собственного трона, заметил согдийскому правителю:

— Лихие молодцы! Это еще раз доказывает ту истину, что у всякого народа есть свои богатыри.

— Это действительно так, — отвечал Спитамен. — Все четверо — бойцы хоть куда. Потому-то они уцелели — немногие из многих, сражавшихся с царем Запада.

— Когда царь Запада сразится с нами, саками, он поймет, что не перевелись еще могучие бойцы на земле нашей! — хвастливо воскликнул Картазис.

Спитамен хотел было возразить: «Он уже сталкивался с вами у Гавгамел», однако сказал совсем другое:

— Именно этого и ждут от вас люди Согда и Бактрии.

Сатрак в кругу сверстников-ветеранов, закаленных в битвах и умудренных опытом, равнодушно смотрел на победное торжество Хориена. Уж он то знал, что на силу всегда найдется сила. Но когда бактриец грохнул оземь последнюю надежду саков Спаргатифа, охотник стал быстро развязывать пояс и снимать кафтан. Друзья, посмеиваясь, удерживали его от неразумного порыва.

— Эй, Сатрак, стрела уже поразила цель, а ты все еще натягиваешь лук…

— Опоздал, брат. Твой сын уже вручает награду бактрийцу…

В это время кто-то ткнул его в спину посохом. Оглянулся — Кидрей.

— О, высокородный отец царя Мавака Сатрак, — насмешливо пропел старик. — Всех прославленных борцов ты повергнешь в прах после, а сейчас ступай за мной. Есть дело.

Сатрак поспешно последовал за отцом, направившим свою кобылу к скале Пашкуча.

— А дело такое, — продолжал Кидрей, — что нам не обойтись без совета с богами.

— Зачем нам их совет?

— А затем, что теперь только боги могут назвать будущую жену царя Мавака. Разве ты забыл, сколько дней и ночей трудились гадальщики, пока боги не указали на мать Зарины, жену царя Липохшайя?

— Совсем из ума выжил, — пробормотал Сатрак. — Сравнил утес с кротовой кучей. Какой из Мавака царь?

— Что, что? Говори громче!

— Я говорю, что ты прав, отец, нужно узнать волю богов.

— То-то и оно… Если милостивый Урмаузд послал внуку с Рахшем царственную победу, то не может быть такого, чтобы светлая Аргимпаса, вечно девственная мать всех животных и растений, покровительница плодородия и браков, захотела бы их разлучить. Не станет богиня вредить Урмаузду. Она еще в своем уме.

— И то верно, — приободрился Сатрак, положив руку на холку кобылы, и проворнее зашагал рядом.

«Умен старик, – думал он. – И боги знают, что нельзя чрезмерно затягивать подпругу – может лопнуть. Достаточно того, что отняли мою жену. Сейчас самое время Урмаузду загладить вину перед нашим родом и помочь сыну. С другой стороны, связываться с гадальщиками опасно. Очень опасно. Нельзя дергать тигра за усы».

…Сатрак был близок к истине. Немилости гадальщиков опасались все саки, но не все ее избегали. И Дающие корм скоту и Рожденные в потомстве опасались обидеть даже пса гадальщика. Ведь стоило, например, царю прихворнуть (или, затаив злобу на кого-либо, притвориться, что прихворнул) – к нему тотчас призывали трех главных гадальщиков. Те приносили с собой большие связки ивовых прутьев и начинали быстро раскладывать, а затем собирать их в пучки… Так они проникали в неведомое и тайное быстро становилось явным. Гадальщики называли имя какого-нибудь сака, который якобы ложно поклялся божествами царского очага, что, как известно, сразу сказывается на здоровье царя. Беднягу немедленно хватали и учиняли допрос. Если он упорно отрицал клятвопреступление, то призывали шесть новых «лекарей», которые, как правило, подтверждали диагноз своих собратьев. Обвиняемому тут же отрубали голову, а прорицатели делили между собой его имущество.

Но бывало и так, что вторые гадальщики оправдывали обвиняемого. И ворон ворона клюет, да не в глаз, а прямо в сердце. Тогда царь приказывал казнить самих обвинителей. Участь лжепрорицателей была ужасна. Саки нагружали воз с упряжкой быков сухим хворостом, связывали виновных по рукам и ногам, укладывали на воз и поджигали хворост. Быки, обезумев, долго носились по полю под вопли горящих заживо и рев пламени, пока не обгорала и не отваливалась оглобля…

У скалы Пашкуча так и свистели перекладываемые с места на место прутья: гадальщики трудились в поте лица. Их было много, но желающих узнать сокрытое – много больше.

– О, счастливые отцы царя Мавака! Не желаете ли чашу кумыса? –

окликнул их кто-то.

Кидрей и Сатрак обернулись на голос и увидели главного гадальщика, сидевшего у ручья на одеяле из лисьих шкур. В руке ферганская глиняная чаша, расписанная рядами красных треугольников. На лице приветливая улыбка. Рядом сидел на траве и держал между колен бурдюк слепой раб.

— Подойди ко мне, Кидрей-питар. Мы же с тобой сверстники. Неужели не помнишь, как много-много лет тому назад в день такого же светлого Ноуруза мы подрались с тобой из-за десятка альчиков? Эх, времечко…

— А здорово тебе тогда досталось, — сказал Кидрей, усаживаясь на шкуры. — Но альчиков ты так и не отдал.

— Может, ты за долгом приехал, да и сына прихватил, чтобы взыскать его? — балагурил глава провидцев. — Садись и ты, храбрый Сатрак.

Слепец, не пролив ни капли, до краев наполнил две чаши из коричневого, хорошо прокопченного бурдюка с резным костяным наконечником на горле. Гости выпили. Помолчали, соблюдая приличия. Сатрак с интересом рассматривал наконечник бурдюка. На нем рука искусного мастера изобразила рысь, терзающую оленя. Олень был уже в агонии, глаза рыси горели мрачным огнем.

— С чем пожаловал, Кидрей? Сколько я помню, а память моя, хвала Урмаузду, крепка, ни ты, ни твои близкие еще ни разу не прибегали к помощи всезнающих и во все проникающих. Хотя…— круглые желтые глаза уставились в переносицу Кидрея, он весь напрягся, подтянулся, замер, — не спеши с ответом, не спеши… не спеши…

Губы гадальщика плотно сомкнулись и не шевелились, но голос звучал! Звучал ровно, успокаивая, усыпляя. Лицо стало бледным. На лбу выступили крупные капли пота. Глаза горели. «Фу, ты, напасть, — испугался Сатрак, — как рысь».

Прорицатель утер пот, обмяк, стал ниже ростом, на скулах опять появился румянец:

— Уф!.. Ваше дело совсем легкое. Сейчас я видел все» богов, но только ясная дева Аргимпаса подала мне знак. Хотите женить Мавака? Так кто же не пойдет за такого молодца?

— Да, но…

— Знаю! Все знаю, Кидрей. Хотите, чтобы я назвал вам племя, в племени род, а там и юрту, в дверь которой нужно постучать?

— Назвать нужно, однако…

— Ни слова больше! Эй, раб, подай то, от чего нет тайн.

Слепой отогнул лисий мех, достал из-под него кожаный колчан и подал господину. Тот вытащил из него плотный пучок прутьев, закрыл глаза, и плавными движениями руки рассеял их перед собой. Потом, не открывая глаз, поднял семь, затем еще два раза по семь прутьев, собрал их в горсть и опять бросил перед собой. Гадальщик медленно открыл глаза, и мертвенная белизна опять залила его лицо. Он поспешно сгреб прутья, затолкал их в чехол. Огляделся и задумался.

— Кидрей, — смущенно пробормотал гадальщик, не поднимая головы, — видишь ли… дело твое оказалось очень трудным. Аргампаса не захотела открыть мне тайное…

— Если не тебе, то, может быть, твоим подручным откроет, — рассердился Кидрей. — Поднимайся, Сатрак! Чего расселся?

— Послушай меня, старик, и делай, как скажу, — скрипучий голос и ставшие опять рысьими глаза провидца пригвоздили отца с сыном к месту. — Ни один из всезнающих и все постигающих не возьмется за прутья ивы без моего приказа. Ни один… — Глава гадальщиков долго молчал. В наступившей вдруг тишине стало слышно гудение первых пчел. — А скажу я тебе, уважаемый сверстник, вот что: иди к энареям. Они ближе к светлой Аргимпасе. Энареи служат только этой богине. Они даже болеют

по-женски, — неожиданно улыбнулся провидец и опять стал похож на усталого старца… — И еще скажу, что Аргимпаса, закрыв занавесью тумана имя нужной вам девушки, дала знак, что Рахш останется с Маваком.

— Прими, о мудрейший, наш скромный дар, — сказал Сатрак и достал из-за пазухи бронзовый разомкнутый браслет дивной работы.

— Оставь себе, храбрый Сатрак, эту ценную вещь. Она тебе вскоре самому пригодится. А плату за гадание и совет я сам взял с твоего отца еще шестьдесят лет назад, хотя и крепко он побил меня тогда…

Когда прерывистый стук копыт хромой кобылы Кидрея затих вдали, слепой раб наполнил чашу кумысом, протянул ее господину и спросил:

— О, великий! Что за трудности в этом деле? За долголетнюю службу при тебе я впервые слышу, чтобы боги не открыли тебе тайну.

— И на этот раз их милость ко мне была неизменной. Но боги далеко, а царь рядом. Зачем мне говорить слова, которые могут привести на костер? Пусть их лучше скажет мой старый, добрый приятель — глава энареев. — Старец недобро улыбнулся и залпом осушил расписную ферганскую чашу.

— Могущественные и влиятельные жрецы богини Аргимпаса — энареи, как правило, жили обособленно. Саки тоже сторонились странных, необщительных, безусых и безбородых жрецов, одетых в женское платье, Странно было смотреть, как поверх широких юбок они повязывали боевые поясас нелепо болтающимися кин¬жалами. Поговаривали, что энареипользуются дорогими привозными белилами и румянами. Лучшим и.самым желанным подарком для энарея был мускус Жрецы охотно покупали это ценное благовоние. Каждый охотник, убивший самца кабарги, вырезал на брюхе железу с мускусом, относил ее женоподобным жрецам и получал целое богатство — горсть новеньких бронзовых наконечников стрел.

Старики рассказывали, что не всегда так было. Предки энареев в древности слыли отважными воинами. Была, правда, у них одна причуда — не чтили они чужих богов. Добро бы только не чтили. Всемогущие боги снесли бы это и простили неразумных. Но предки энареев норовили обидеть, оскорбить, унизить чужих богов, оскверняя их алтари, и, что еще хуже, присваивали себе дары, предназначенные чужим богам. И вот однажды, давным-давно, когда саки устремились к берегам Нила, Египетский царь Псамметих, устрашенный их мощью, вышел навстречу завоевателям с богатыми дарами. Кочевники, приняв дары и заверения в вечной дружбе, повернули обратно. На пути их лежал большой и богатый сирийский город Аскалон. Войско кочевников не тронуло город, только предки энареев незаметно отстали и совершили неслыханное — разграбили храм богини Деректы и надругались над жрицами божественной девы. Они не знали, что осквернили самый древний храм сакской богини Аргимпасы, которую греки называли Афродитой, вавилоняне — Иштар, согдийцы и персы — Анахитой, а сирийцы — Деректой. Taryhy proza